

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Папаша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545855

Аннотация

«Два древних старца, подобные двум вековым дубам, были несменяемы в министерстве. Иным казалось, будто они существуют еще со времен Великия Елисавет на своих должностях. Это были экзекутор и швейцар. Многое множество чиновничьих поколений нарождалось, мужало, расцветало и уходило пред их суровыми очами в безвестную даль. Вчерашние веселые мальчуганы, беззаботные шелопаи-лицеисты, становились сегодня государственными мужами, губернаторами, вице-губернаторами, а завтра делались министрами и членами Государственного совета...»

Александр Иванович Куприн Папаша

Два древних старца, подобные двум вековым дубам, были несменяемы в министерстве. Иным казалось, будто они существуют еще со времен Великия Елисавет на своих должностях. Это были экзекутор и швейцар. Многие множество чиновничьих поколений нарождалось, мужало, расцветало и уходило пред их суровыми очами в безвестную даль. Вчерашние веселые мальчуганы, беззаботные шелопаи-лицеисты, становились сегодня государственными мужами, губернаторами, вице-губернаторами, а завтра делались министрами и членами Государственного совета.

Одни они двое – оставались на своих местах, величавые, живые монументы прошлого.

И сколько десятков своих, своих собственных министров перевидали они: строгих, добрых, норовистых, послушных, женоненавистников и балетоманов, рыкающих подобно библейским львам и доводивших людей до столбняка вежливостью обращения; скоропалительных и тягучих либералов и консерваторов; и таких, которые резали всем правду-матку в глаза, где надо и когда не надо, и тех, которые вели свою политику волнообразными, извилистыми линиями, пу-

тем уклончивости, податливости и согласия, с хвостом, поднятым вверх для уловления ветра. И ко всем начальникам старики применялись и приспособлялись безропотно и спокойно, точно зная, что пройдут века, племена, народы и вожди, но они одни останутся непоколебимо и незыблемо.

Однако новый генерал даже и их многоопытные сердца привел в трепет и смущение. Это бы еще куда ни шло, что он принял всех своих подчиненных запросто и каждому подал руку, и каждого учтиво расспросил о том, сколько лет служит, как здоровье супруги, детишек и престарелой мамы. Бывали раньше и такие архистратеги. Сравнительно понятно было и то, что во время приема он был одет в светло-серый костюм с темно-лиловым галстуком, а из верхнего бокового кармана высовывался кусок темно-лилового платка в тон галстука, а ботинки на нем были желтые, почти спортсменские, с двойной американской подошвой. Могли быть, пожалуй, и такие фолишенные¹ генералы...

Но уже первые фразы вступительного слова заставили старых боевых коней насторожить чуткие уши.

– Господа, – сказал генерал, – вы, вероятно, часто слышали избитую фразу: «Во-первых, дело, во-вторых, опять дело и, в-третьих, опять-таки дело». Но я вас попрошу об одном: как можно меньше дела и как можно меньше бумаг. Вы, конечно, не хуже меня понимаете, что восемь часов принудительного сиденья в запертых душных комнатах ничего не

---

¹ От folie – безумие (*франц.*).

значат в сравнении с одним часом и даже получасом плодотворной, ничем не стесненной работы. Поэтому я предлагаю всем и каждому из моих сослуживцев самим себе назначить срок и время занятий. Это дело вашей совести, сознания гражданского долга и служебного соревнования. Ни отпусков, ни болезней я не буду разрешать. Пусть каждый сам болеет, когда хочет, и уезжает, куда хочет. Моя система – полное доверие. Что же касается до бумаг, то мы постараемся свести их количество, – как входящих, так и исходящих, – до минимума, причем идеалом в этом отношении у нас будет всегда круглый абсолютный нуль. Этого мы достигнем тем, что двери моего официального кабинета в министерстве, так же как и двери частного кабинета на Каменоостровском, всегда, во всякое время дня и ночи, открыты для вас, господа! Словесные распоряжения действуют гораздо скорее и вернее всяких бумаг. Но и помимо службы прошу во всех ваших делах, общественных и личных, важных и мелких, – прошу видеть во мне доброго старшего товарища и, если хотите, – тут голос генерала задрожал, – если хотите, отца...

– Я кончил, господа. Теперь, если кто хочет курить, – пожалуйста... – И, раскрыв щегольский серебряный портсигар филигранной венецианской работы, он предложил своему делопроизводителю тонкую душистую папиросу.

Кажется, в тот же самый день, вслед за этой исторической речью, чей-то бойкий язык окрестил эпического генерала именем «папаши». Это прозвище чрезвычайно быстро

прилипло и вошло в оборот. Вошло до такой степени, что даже швейцар, почтенный Андрей Вонифатьевич, иногда, говоря заочно о начальнике, срывался и вместо «их превосходительство» говорил «папаша», или даже «наш папаша».

Оттого ли, что политика доверия на первых порах пленила и очаровала сухие чиновничьи сердца, или оттого, что здесь представлялось широкое поле для проказливости, для отдыха от прежней монотонной ляжки, но на первых порах ведомство проявило изумительную, блестящую, кипучую деятельность. Даже высшие власти обратили сверху свое благосклонное внимание и выразили приятное удивление. Казалось, настали времена поистине утопические.

Экзекутор и швейцар вперяли задумчивые взоры в прошедшее, ничего не понимали, нюхали табак и изредка неодобрительно покачивали седыми головами. Но мнениями своими не делились ни с кем.

Чиновники сначала робели. «Ласков, ласков, – думали они, – а вдруг укусит?» Но понемножку осмелели и развязались. Через месяц генерал стал уже крестным и посаженным отцом по крайней мере у четырех сотен своих подданных. У некоторых чиновников по два, по три раза умирали жены или сгорало имущество, на что, как известно, требуется пособие. На службу стали ходить с удовольствием, как на забавный водевиль. Желторотые губернские секретари и коллежские регистраторы толпой набивались в генеральский кабинет, разваливались в глубоких креслах и на мягких кожаных

диванах, курили генеральские папиросы, а некоторые, поотчаяннее, садились боком на огромный, как бильярд, стол, обитый красным сукном; сплетничали, рассказывали смешные анекдоты. Наконец в один светлый осенний день, когда обычно мрачный кабинет весь был залит потоками солнца, молодой чиновник Перфундьян сказал, как будто нечаянно, слово «папаша». Сделал вид, что страшно сконфузился (потом из него вышел очень недурной актер) и даже покраснел.

– Ваше превосходительство, видит бог... честное слово... – залепетал Перфундьян. – Это мы так... иногда... по молодости, по глупости... Так иногда, между собою... Потому что действительно вы нам... вроде родного отца...

Генеральское лицо озарилось нежной, прекрасной, отеческой улыбкой.

– Ах, родной мой... Что вы... Что вы... Успокойтесь, пожалуйста... Ведь это же... Господа... в конце концов ведь это только лестно для меня... Значит... Значит... Значит, я не ошибся, господа, когда искал дорогу к вашим сердцам, а не к рассудкам? Благодарю вас, милый Перфундьян, и позвольте пожать вашу руку.

А так как Перфундьян устремился было облобызать генеральскую десницу, то оба они крепко по-дружески обнялись и поцеловались.

С тех пор и пошло: папаша да папаша. Но престиж власти упал навсегда. И даже Андрей Вонифатьевич, во время разъезда, подавал пальто первому не генералу, а делопроиз-

водителю, когда они одевались вместе.

* * *

Перед пасхой генерал заболел и около недели не являлся в министерство. Рассказывали, что он собственноручно устанавливал на полочку мраморный бюст Монтескье, но, по неловкости, не удержался на стремянке и свалился, причем тяжелый бюст всей своей тяжестью обрушился на папашину голову. Все в министерстве искренно сочувствовали генералу и серьезно волновались по поводу его здоровья. Но когда, после болезни, он вошел в грандиозный вестибюль исторического здания, в котором уже много сотен лет решались судьбы пятой части земного шара, то произошло нечто неслыханное, несказанное и неопишное. Голосом, которому мог бы позавидовать любой командир кавалерийской дивизии или московский брандмайор, рявкнул генерал на почтенного мордастого, убеленного сединами, с иконостасом на груди швейцара Андрея Вонифатьевича.

– Ты как, подлец, снимаешь пальто? Каблуки вместе! Заелся на сытых хлебах? Вон отсюда. В двадцать четыре часа... В четыре часа... В полминуты... Вон!.. С волчьим паспортом... В арестантские роты каналью закатаю!..

Когда на страшный раскат генеральского голоса скатились с лестницы горошком вице-директоры, начальники, столоначальники, делопроизводители и все секретари, и все боль-

шие и маленькие чиновники, тогда генеральский гнев окончательно прорвался и хлынул точно задержанная и мгновенно прорвавшая преграду Ниагара.

– Бездельники! – кричал он, вращая кровавыми глазами, сжимая кулаки и топая ногой. – Точно школьники! Стоит от вас отвернуться, – и никто ничего не делает. Затылком к делу сидите!

Господин делопроизводитель, мы с вами вместе не можем служить. Либо вы, либо я. Вы дошли до такой фамильярности, которая немислима и недопустима! Нет, нет!.. Никаких разговоров!.. Позвать сюда чиновника Перфундына. Ага! Это ты, тот самый, который?.. Это ты осмелился называть заочно своего начальника папашей? Вон!.. И без аттестата!.. И вообще вон из Петербурга... Я тебе такого папашу покажу... По третьему пункту!

Экзекутора сюда! Почему беспорядок? Где ремонтные суммы? Где отчетность по уборке снега? Я вас, сударь, ввиду вашей многочисленной семьи не отдаю под суд, а предлагаю вам выйти в отставку, не позже чем через месяц. Экономите на бумаге? На чернилах? Старый растратчик.

– Что-с? Безззз воз-ра-же-ний!..

Дать мне журналиста! Сколько входящих и исходящих? Ну, живо! На память! Если я тебя разбуду, спросонья должен сказать! Ага!.. Только восемь – десять тысяч. А в других министерствах десятки миллионов? Господа, ставлю всем вам на вид, объявляю замечание, делаю строгий выговор!

Ведомство ленится. Нет движения бумагам! Затор!.. Я вам такой покажу затор!..

Все эти слова он выкрикивал, вздымаясь по лестнице и несясь подобно опустошающему циклону вдоль канцелярских помещений. И по дороге перед ним склонялись бледные, трепещущие, недоуменные рабы. И с последним словом: «затор!» – он скрылся в своем кабинете, точно Иегова в облаке...

* * *

Во второй раз ведомство изумило весь чиновный мир своей молниеносной деятельностью. Точно открылись шлюзы, и через них по всей земле русской пролились миллионы бумаг. Толстые, желтые, геморроидальные, задыхающиеся начальники отделений летали взад и вперед, как мальчишки-комми от «Мюр и Мерилиза». Спешно вызывались начальники уездов, получали стремительные внушения и мчались в свои области делать порядок или беспорядок, и дрожь, которую они испытывали в огромном кабинете, передавалась, как электрический ток, нервам обывателей. И – боже мой! – что только не делалось в это время... Громы, молнии, ураган, извержение вулканов, Иродово избиение младенцев и Мамаево нашествие. Один сановник сострил по этому поводу в частном разговоре: «В противоположность господу богу, создавшему мир в шесть дней, ныне милейший Иван Григорьевич

мог бы его разрушить в такой же срок».

* * *

Все это случилось в давно прошедшие, чуть ли не гоголевские времена. Но до сих пор экзекутор и швейцар, нюхая табачок, спорят о том, когда был папаша сумасшедшим: до бюста или после бюста великого знатока духа законов – Монтескье?